

Служитель муз

Консерватория, театр оперы и балета – воплощенные проекты москвича из Магнитки Александра Якупова

ОН ДАВНО в Москве, но с Магнитогорском его многое связывает: когда-то именно с его легкой руки здесь появились консерватория, потом аспирантура, докторантура...

Театр оперы и балета – тоже воплощенный проект Александра Якупова. На его сцене в эти дни доктор искусствоведения дирижировал в «Евгении Онегине» на третьем международном фестивале оперного искусства «Вива опера!»

– К фестивалю вы тоже имеете отношение?

– Я дал ему имя. А идея принадлежит театру: приглашать в Магнитогорск ведущих оперных певцов, музыкантов... А в будущем, возможно, целые театры – фестиваль задумывался очень широко. И в этом заслуга Ильи Кожевникова – особенно сейчас. Хотя вот все говорят: кризис. По-моему, этим уже стали прикрывать свою несостоятельность и лень. Конечно, есть объективные факторы, в частности, психологическая настороженность людей. Вот, к примеру, у вас есть две тысячи долларов на счете в банке, которые вы из страха сняли и придерживаете в своем кошельке, не пускаете их в оборот – в этом и есть суть кризиса. Не в том, что денег нет, а в том, что они не пущены в оборот. Ощутили кризис и промышленники, у которых не покупают продукцию. Но наш комбинат продолжает свои социальные программы. А те, от кого зависит жизнь, но не экономика, больше всех кричат о кризисе: не дадим денег. А какой у нас в культуре кризис? Его здесь в принципе не может быть – наоборот, в самые трудные экономические времена культура наиболее востребована, чтобы человек подзарядился творческими идеями, литературой, музыкой, а потом шел в эту жизнь и что-то делал.

– Исключая последнюю вашу сентенцию: до чего же дошла жизнь, если заслуженные деятели искусства разбираются в тонкостях экономики?

– (Смеется.) У меня всю жизнь так было: одной рукой дирижирую, второй руковожу. И здесь, и в Москве, где я директор центральной музыкальной школы при консерватории, директор оперной студии – это огромный пласт экономической работы. Если от меня что-то зависит, я обязательно сделаю так, чтобы люди поверили в эту жизнь, экономику, снова стали вкладывать деньги, и тогда дело сдвинется. Но для этого надо оптимизировать настрой.

– Зачем распространять свои чаяния на Магнитогорск? Разве вы сюда приезжаете уже не в гости?

– Нет, домой. Здесь кусок моего сердца остался навсегда. Первое, что я сделал, приехав, – посетил могилу отца, своей тещи, благодаря которой я смог заниматься тем, чем хотел: она жила с нами, взяла на себя моих детей, воспитала их... Я пришел в консерваторию, которую люблю несказанно.

– Вы ее создали, собственно.

– И консерваторию, и театр создавало, по большому счету, государство – я просто инициировал и искал идеи, собирал людей, убеждал промышленников... И они помогли – Иван Харитонович Романов, Анатолий Ильич Стариков, Виктор Филиппович Рашинов – все они реально вкладывали в меня и говорили: мы тебе поможем, но чтобы это была не авантюра. Челябинск насмеялся: в городе областного подчинения – театр оперы и консерватория...

– Ну, он и получился маленьким, камерным – пусть на небольшую, но постоянную публику.

– Поверьте, через 20–30 лет ситуация изменится: когда возрастет свой слушатель, когда театр наконец будет обласкан властью. Сегодня зарплата в оперном театре в семь, а то и в десять раз меньше, чем в Челябинске – там уже за 60 тысяч получают, а у нас пять–семь, это унизительно.

– Вы, кстати, в курсе, что после вашего отъезда здесь был театр оперетты, а не оперы и балета?

– Это предлагали и мне – создать демократический театр с разными жанрами. Но... нельзя одновременно служить Господу и мамоне. Я был сторонник того, чтобы поставить десяток-полтора фундаментальных спектаклей: «Кармен», «Пиковая дама», «Хованщина», «Чио-Чио-сан», «Князь Игорь»,

«Снегурочка», «Царская невеста»... И на этом фундаменте уже можно воздвигать разные фигуры. А на песке... Чтобы собрать труппу, голоса, ой как много надо поработать: обворожить солистов, обласкать их, создать условия, собрать лучших оркестрантов...

– Я помню, когда еще не было консерватории, первого сентября на встрече со студентами вы торжественно зачитывали список выпускников музыкальной школы, поступивших в консерватории Москвы, Петербурга... Создав свой вуз, вы перестали это делать. Хотели отличников оставлять здесь?

– Я до сих пор думаю, что процветание магнитогорского искусства будет осуществляться благодаря самому наличию консерватории: она возвращает прекрасных специалистов.

– До сих пор? Вы в курсе дел?

– Я председатель диссертационного совета, так что приезжаю постоянно – принимать диссертации. Высочайший уровень! Наша консерватория сегодня,

может, одна из лучших после таких центров, как Москва, Питер, может, Нижний Новгород, Новосибирск, Казань... Магнитогорск – единственный после Москвы и Питера, имеющий докторский совет. В Казани его нет. Екатеринбург, в котором консерватория существует уже более ста лет, тоже его не имеет.

– Потому что им это не надо?..

– Да не под силу: надо собрать ученых – только докторов искусствоведения должно быть 12–15.

– А нам почему удалось – ваша заслуга?

– Это не только моя заслуга – работали все, многие переучились, защитили диссертацию. Сегодня по «остепенности» наша консерватория входит в первую десятку консерваторий в России. А по наличию заслуженных артистов, деятелей культуры,

может, после Москвы и Петербурга на первом месте. Это достижения, в которые магнитогорцы уже вложили капитал, и надо его не растратить.

– Все, что вы хотели сделать в Магнитке, вы сделали? Или уезжали с чувством невыполненного долга?

– Я ставил перед собой задачу создания инфраструктуры для профессиональной музыкальной культуры. Точкой отсчета для меня было то, что сделал Семен Григорьевич Эйдинов, который задал мощный толчок просветительской деятельности – и его детищем была капела. Но богатейший город, живущий в преддверии XXI века, не мог базировать свою культуру на самодеятельности. Представьте: музыкальное училище и капела на полмиллиона человек.

– Вы считаете, этого недостаточно?

– Не просто недостаточно: европейские городки в 100–120 тысяч населения обладают большими центрами профессиональной культуры – филармониями, оркестрами, маленькими оперными театрами...

– Но ведь у них и отношение к искусству совсем другое – оно более популярное. Любой концерт классической музыки: парк под открытым небом, прямо на траве сидят тысячи человек, тут же едят бутерброды, а на сцене подают классическую музыку. А у нас – это святое: в театре, во фраке и вечернем платье.

– Ну почему же... Были в Магнитогорске так называемые праздники песни – в последний раз возле монумента «Тыл – Фронту» я собрал 17 тысяч горожан.

– Но ведь это песня, а не опера!

– И все-таки... Что такое Магнитогорск? В 29-м году сюда согнали людей из деревень, кто-то приехал сам, потому что деревни загнили. Люди, служившие земле и оторванные от нее, – это были честнейшие люди, которых называли кулаками и потому преступниками. И Магнитке повезло, что именно они строили город, а не настоящие уголовники.

И они очень скоро поняли, что без культуры город будет просто куском территории бетона, металла и больше ничего. Родились капела, музыкальное училище. Но просвещали они или отвращали от культуры? Я понял, что тот невысокий уровень, который мы несли в училище, лишь создавал иллюзию потребления культуры – потому что студент, сегодня выучивший Баха, а завтра победивший работать на завод, не может по-настоящему нести искусство в массы. Став директором училища, я собрал коллег и четко изложил свою программу: не хочу заниматься самодеятельностью – это профил Дворцов культуры. Наша задача – создать инфраструктуру профессиональной культуры: театр, оркестр, филармония и консерватория, которая будет питать все эти коллективы высокопрофессиональными кадрами.

– На смех не подняли на тот момент?

– Все, что я говорил, сначала воспринималось как бредни. Но я шаг за шагом реализовывал свою мечту, постепенно собрался весь коллектив, и мы начали вместе работать. Люди заразились моими идеями, и все встало на свои места: мы открыли консерваторию, оперный театр, третий дом музыки, филармонию, я создал симфонический оркестр, который три года работал вообще бесплатно, а потом семь лет за 25 рублей.

– Это за концерт?

– Это в месяц – я серьезно. И мы работали – дали шестьдесят симфонических программ. Надо мной смеялись: говорили, что это не оркестр, а ты не дирижер. Всякое было. Потом появился совет по защите диссертаций – сначала кандидатских, потом докторских, сначала открыли аспирантуру, потом докторантуру... И это движение в какой-то момент вдруг стало раздражать власти. Говорили: этот человек скоро полгорода захватит – ату его! В травлю включились все – особенно раздражен был Челябинск, который не мог простить, что здесь есть консерватория, а у них нет, что я создал театр, который работает самостоятельно.

– Я помню, вы еще орган хотели в Магнитогорск привезти...

– Да, об этом у меня в книге написано: я лично написал письмо Эриху Хонеккеру, он сюда приехал и подарил нам концертный орган. Переводчик сделал ошибку в ударе – назвал его Органом, в зале сидели металлурги, воспринявшие слово в буквальном смысле (смеется).

– Продолжим тему травмы: вы уехали давно, всех подробностей этого я не помню, но у меня осталось стойкое впечатление, что Магнитка поступила с вами не очень красиво...

– И до меня изгоняли людей... Меня, слава богу, не изгнали, но стали душить: остановите его, он создал столько учреждений, что мы не в состоянии этого проглотить. Я ведь просто поставил мэра города Ключванта перед фактом, что открыл консерваторию – он не знал, что с этим делать. Или я, предположим, купил чуть ли не за бутылку коньяка и построил целый студенческий городок на базе бывшего профилактория «Солнечный», который им бы хотелось забрать себе. И таких историй была масса. И конечно, они были расстроены.

– Не понимаю, чем именно? Вы развиваетесь, а денег при этом не просите – радоваться надо!

– Видите ли, власть в то время была в очень сложном положении: коммунисты боролись с демократами, те – с коммунистами, во власти был разброд. Я, понимая все это, пытался извлечь максимальную пользу для своего учреждения, и у меня это получалось. Кому это понравится? ☹

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

P.S. Беседа получилась несколько скромной – в перерывах между действиями «Евгения Онегина» – назавтра Александр Якупов уже улетал. После спектакля его ждали представители городской власти на банкет. Поговорить хотелось еще о многом – о старшей дочери Наталье, которая теперь живет в Лондоне и, защитив диссертацию, стала одним из лучших педагогов и концертующих пианистов, о жене Ольге Александровне, которая, как добрый гений, всегда была рядом – красивая, приветливая и такая надежная... Она тоже преподает в консерватории, кандидат искусствоведения. Словом, тем осталось много. Значит, и встречи еще будут.